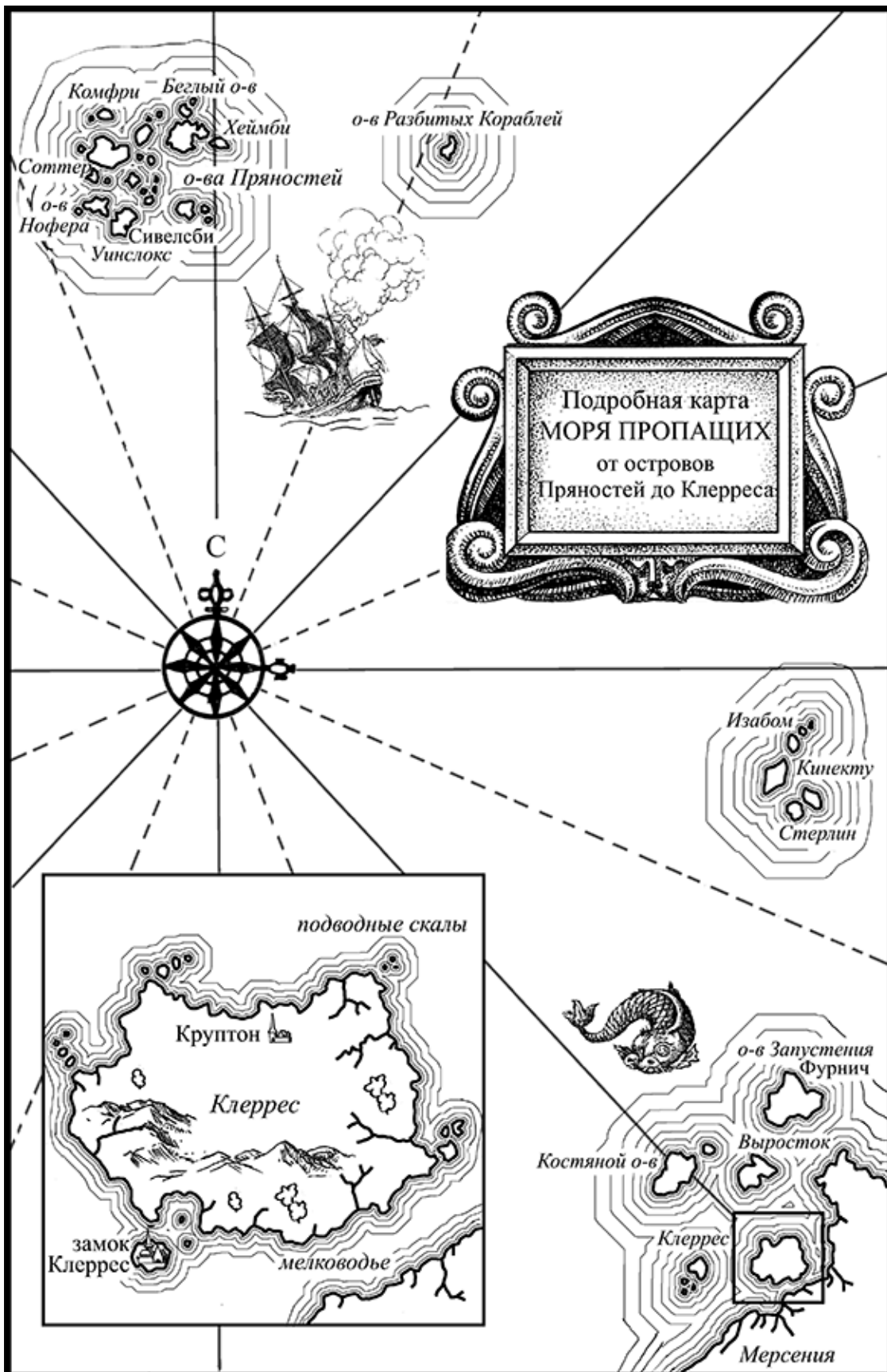

*Фитцу и Шуту – моим лучшим друзьям на
протяжении вот уже двадцати с лишним лет*

* * *

Подробная карта
МОРЯ ПРОПАЩИХ
от островов
Пряностей до Клерреса

С

подводные скалы

Круптон

Клеррес

замок
Клеррес

мелководье

Изабом

Кишекту

Стерлин

о-в Запустения
Фурнич

Выросток

Костяной о-в

Клеррес

Мерсеня

Пролог

Дети встали в круг и держатся за руки. В середине круга девочка. Глаза у нее завязаны, но на повязке нарисованы глаза. Глаза черные, с красными веками, и кажется, будто они пристально смотрят. Девочка в середине поворачивается, вытянув руки. Все остальные кружатся в хороводе и поют:

*Кружит, кружит хоровод,
Жизни прорицая ход.
Чтобы круг наш разорвать,
Надо бессердечным стать.*

Они словно играют. Дети в хороводе выкрикивают по несколько слов. Я не слышу их, но девочка слышит. Она начинает выкрикивать в ответ, и постепенно усиливающийся ветер подхватывает ее слова: «Огонь дотла все сожжет!», «Гнев драконов грядет!», «Море нахлынет!», «Небо самоцветами вспыхнет!», «Один на двоих разомкнется!», «Четверым плохо придется!», «Двое в одном придут!», «Царство ваше снесут!», «Всеми жизнями заплатить!», «Никому не жить!».

На последнем выкрике от девочки во все стороны летит сокрушительный порыв ветра, и она сама разлетается клочьями, ветер подхватывает и расшвыривает далеко-далеко детей из круга. Все поглощает черная тьма, остается лишь белый круг. И посреди него лежит повязка. Глаза на ней смотрят, смотрят...

Дневник сновидений Би Видящей

Глава 1

Укус пчелы

Карта в пещере Аслевджала охватывает почти все земли Шести Герцогств, часть Горного Королевства, значительную территорию Калсиды и земли по обеим берегам реки Дождевых чащоб. Я предполагаю, что границы таких карт означают пределы, до которых простирались владения Элдерлингов в древние времена, когда создавались эти карты. У меня не было возможности лично изучить карту в городе Элдерлингов, ныне известном как Кельсингра, но я думаю, что и на ней изображено более или менее то же самое.

На карте, найденной на Аслевджале, обозначены места в Шести Герцогствах, где, как нам известно, находятся каменные столпы-монолиты. Я считаю, можно смело заключить, что подобные отметки на территории Горного Королевства, Дождевых чащоб и даже Калсиды также означают каменные столпы, являющиеся порталами Силы. Мы не знаем, в каком состоянии пребывают монолиты за пределами наших земель, и некоторые маги Силы предостерегают нас от попыток испытать их до тех пор, пока мы не доберемся до них обычным образом и не убедимся, что камни сохранились в целости. Что же касается порталов, расположенных в Шести Герцогствах и Горном Королевстве, то представляется разумным не только послать обученных Силе гонцов к каждому из них, но и потребовать от герцогов удостовериться, что камни стоят ровно. Гонцы должны также составить описание рун на каждой грани монолита и их состояния.

Мы обнаружили несколько столпов, не обозначенных на аслевджальской карте. Неизвестно, были ли они возведены уже после ее составления, или же эти камни больше не работают. Нам следует и впредь относиться к ним с осторожностью, как мы в настоящее время соблюдаем осторожность при обращении с какой бы то ни было магией Элдерлингов. Нельзя считать, будто мы достигли

мастерства и понимания в этом, до тех пор, пока мы не сумеем повторить их удивительные изделия.

Чейд Фаллстар, «Порталы Силы»

Я бежала. Подхватила подол белой шубы и бежала. Я вся взмокла, а шуба цеплялась за каждую ветку. За спиной у меня Двалия кричала: «Ловите ее! Ловите ее!» Мычал калсидиец. Он носился вокруг как бешеный, один раз я чуть не налетела на него.

Мысли были проворнее ног. Я вспомнила, как меня схватили и затащили в столп Силы. И как укусила калсидийца в надежде, что это заставит его отпустить Шун. Что и произошло, но он продолжал цепляться за мою руку и шагнул вслед за нами в камень. Ни Шун, ни той Слуги, что замыкала цепочку, нигде не было видно. Возможно, они остались по ту сторону. Может, Шун еще удастся скрыться от белой девушки... Или она уже улизнула? Я вспомнила, что, когда мы бежали в камень, нас терзал холод. В Бакке была зима. Но теперь мы очутились в другом месте, и здесь я не ощущала мороза, лишь легкую прохладу. От снега тут остались лишь грязно-серые пятна, пальцами протянувшиеся в тени деревьев. В лесу пахло ранней весной, но почки еще не раскрылись. Как можно перенестись из зимы в одном краю в весну в другом? Что-то тут не так, что-то очень неправильно. Но мне было некогда размышлять об этом. Была забота поважнее: как спрятаться в безлистном лесу? Мои преследователи быстрее. Надо спрятаться.

Проклятая шуба! Я не могла остановиться и скинуть ее через голову: руки казались неуклюжими, словно плавники. А в огромной белой шубе как скроешься? И я бежала, зная, что меня догонят, но боясь остановиться и сдаться на милость врагов.

Найди место, чтобы принять бой. Такое, чтобы они не смогли загнать тебя в угол, но и такое, чтобы не смогли окружить. Найди оружие: палку, камень, что угодно. Если не сможешь сбежать, заставь их дорого заплатить за то, что они схватят тебя. Сражайся до конца.

Да, Волк-Отец. Я произнесла его имя про себя, чтобы оно придало мне отваги.

«Я – дитя волка», – напомнила я себе, пусть мои клыки и когти пока еще маленькие и жалкие. И буду драться.

Но меня терзала усталость. Как драться, когда нет сил?

Я никак не могла взять в толк, что со мной произошло во время перехода сквозь камень. Откуда такая слабость и измотанность? Хотелось упасть на месте и не шевелиться. Я мечтала провалиться в сон, и лишь страх не давал мне поддаться искушению. Враги что-то кричали, окликали друг друга, показывали на меня. Хватит бежать, пора дать бой. Нашлось подходящее место. Три дерева росли так близко друг от друга, что я могла протиснуться между ними, а моим преследователям было бы трудно последовать за мной. Судя по звукам, через кусты за мной ломались по меньшей мере трое. Сколько их вообще осталось? Я постаралась успокоиться и подумать. Двалия – главная среди них. Женщина, которая так сладко улыбалась, похищая меня из дому. И еще Виндлайер, то ли взрослый, то ли мальчик, который умеет заставлять людей забыть о том, что они видели и слышали. Он тоже был с нами. Керф – калсидийский наемник. Его разум так повредился, когда мы шли сквозь камни, что он либо не представляет опасности ни для кого, либо может убить любого. Кто еще? Алария. Она беспрекословно выполнит все, что прикажет Двалия. И Реппин, которая так злобно сдавила мне ладонь, когда мы шли в камень. Теперь у Двалии гораздо меньше подручных, чем в начале, но все равно их пятеро, а я одна.

Присев на корточки за одним из деревьев, я высвободила руки из рукавов тяжелого мехового балахона и наконец-то сумела, извиваясь, стащить его через голову. Постаралась забросить шубу как можно дальше, но получилось не слишком-то далеко. Бежать дальше? Нет, не смогу. Живот скрутило от боли, в боку колет. Я пробежала столько, сколько смогла.

Оружие... Нет ничего подходящего. Только упавшая ветка. Не толще моего запястья с одной стороны, а с другой расходится на три веточки. Жалкое оружие. Не столько дубинка, сколько грабли. Я вжалась спиной в ствол дерева, надеясь вопреки всему, что преследователи, увидев шубу, пробегут мимо, а я сумею вернуться по своим следам и найти укрытие получше.

Они приближались. Двалия, пыхтя, кричала мне:

– Я знаю, ты напугана! Но не нужно убегать. Без нас тебе придется голодать. Без нас ты погибнешь. Тебя сожрет медведь. Мы нужны тебе, если хочешь жить. Вернись, Би. Никто не будет тебя ругать.

Тут она напустилась на остальных, и стало ясно, что это была ложь:

– Ох, да где же она? Алария, вставай, дурища! Всем нам плохо, но без нее нам назад дороги нет!

И она снова стала кричать мне, уже не сдерживаясь:

– Би! Хватит глупостей! Вернись сейчас же! Виндлайер, пошевеливайся! Всем плохо, но если я могу бежать, то и ты можешь. Найди ее, затумань!

И, стоя за деревом, стараясь вопреки ужасу дышать как можно тише, я ощутила, как Виндлайер потянулся ко мне. Я изо всех сил укрепила стены, как учил отец. Стиснула зубы и больно прикусила губу, чтобы не подпустить Виндлайера. Он старался навеять мне воспоминания о вкусной еде. О горячем супе и запахе свежего хлеба. Обо всем, чего мне так хотелось. Но стоит поддаться – и он сможет найти путь в мой разум. Нет.

Сырое мясо. Мясо, промерзшее до костей, которое приходится рвать коренными зубами. Мыши в пушистых шкурках, их хрусткие черепки. Волчья еда.

Волчья еда. Удивительно, до чего соблазнительной показалась мне эта мысль. Я ждала, стискивая двумя руками свою палку. Что лучше – продолжать прятаться, в надежде, что они пробегут мимо, или выскочить и нанести первый удар?

Выбирать не пришлось. Я увидела, как Алария проковыляла мимо, за несколько деревьев от моего укрытия. Остановилась, тупо уставившись на сброшенную шубу, а потом, оборачиваясь к остальным, заметила меня:

– Она здесь! Я нашла ее! – и указала на меня трясущейся рукой.

Я расставила ноги на ширину плеч, словно собиралась поучиться с отцом драке на ножах, и стала ждать. Алария уставилась на меня и вдруг осела на снег; ее белая шуба неопрятной грудой легла вокруг. Подняться Алария не пыталась.

– Я нашла ее... – повторила она слабым голосом и бессильно махнула рукой в мою сторону.

Я слышала шаги слева.

– Берегись! – крикнула Алария, но слишком поздно.

Размахнувшись веткой изо всех сил, я нанесла удар – он пришелся Двалии по лицу – и отскочила обратно вправо, спрятавшись между

деревьями. Прижавшись спиной к стволу, я снова встала в стойку, держа ветку наготове. Двалия кричала, но я не стала поворачиваться и смотреть, что с ней. Если повезло, я выбила ей глаз. А прямо ко мне тяжело ковылял Виндлайер, сияя идиотской улыбкой:

– Брат! Вот ты где! Теперь все будет хорошо, не надо бояться. Мы нашли тебя.

– Не подходи, а то не поздоровится! – пригрозила я.

Мне не хотелось делать ему больно. Виндлайер – оружие в руках моих врагов, но сам по себе вряд ли таит на кого-то зло. Хотя таит он или не таит, но не станет колебаться, прежде чем сделать больно мне.

– Бра-атик...

В его словах звучал упрек, но мягкий. Ясно, что Виндлайер пытается окутать меня ощущением нежности и заботы. Дружеского тепла и утешения.

Нет! Ничего такого он на самом деле не питал ко мне.

– Не подходи! – велела я.

Мимо с завываниями проскакал калсидиец и, случайно или намеренно, налетел прямо на коротышку Виндлайера. Тот попытался увернуться, но споткнулся и с жалобным криком упал ничком. И как раз в этот миг Двалия обошла мои три дерева и двинулась на меня. Она выставила вперед пальцы, как когти, оскалила окровавленные зубы, словно собиралась вцепиться в меня. Держа ветку двумя руками, я ударила ее изо всех сил, мечтая снести ей голову с плеч. Но ветка сломалась, и острый обломок проехался по ее раскрасневшемуся лицу, оставляя на нем алый след. Двалия бросилась на меня, ее ногти вонзились мне в кожу сквозь изношенную одежду. Я вырвалась из ее хватки, оставив в когтях один рукав рубахи, и протиснулась между стволами.

По другую сторону купы деревьев меня уже ждала Реппин. Ненависть в ее глазах сменилась тупым ликованием, когда она ринулась на меня. Я увернулась, и она врезалась лицом в ствол. Реппин ушиблась, но оказалась проворнее, чем я думала, – сумела подставить мне подножку. Я подпрыгнула, чтобы избежать ловушки, но споткнулась о кочку. Алария поднялась на ноги. Ее отчаянно качало, но она рухнула на меня и прижала к земле. А пока я пыталась выбраться из-под нее, кто-то с силой наступил мне на лодыжку. Я закричала, а потом и закричала от боли, – казалось, кости гнутся и

вот-вот хрустнут. Мне удалось столкнуться с себя Аларию, но тут Реппин, по-прежнему стоя на моей лодыжке, с силой пнула меня в бок.

Удар выбил из меня воздух. Ненавистные слезы наполнили глаза. Я заметалась было, потом свернулась вокруг ног Реппин, стараясь заставить ее сойти с моей лодыжки. Тогда она схватила мои волосы и стала бешено дергать. От боли перед глазами поплыло.

– Отлупи ее, – раздался голос Двалии, и такой силы чувство звучало в нем, что я обмерла. Что это было: боль? злость? – Этим.

Не стоило мне смотреть вверх. Первый удар Реппин моей же сломанной палкой пришелся мне по щеке, по челюсти и уху. В ушах зазвенело от силы этого удара и собственного крика. Меня охватило потрясение, злость и обида, а от боли я вообще ничего не могла. Я шарахнулась прочь, но Реппин по-прежнему крепко держала меня за волосы. Пока пыталась вывернуться, новый удар обрушился мне на лопатки. На моих костях было не слишком много мяса, а тонкая рубаха и вовсе не могла защитить, и вслед за болью от удара лопнувшую кожу как огнем обожгло. Я отчаянно завопила и вцепилась Реппин в запястье, чтобы заставить ее отпустить волосы. В ответ она сильнее наступила мне на ногу, и только толстая подстилка лесной почвы уберегла меня от перелома. Я закричала и попыталась столкнуться с ней.

Новый удар обрушился мне на спину, и я вдруг поняла, как соединяются ребра и позвоночник и где вдоль него проходят жгутики мышц, потому что все они застонали от боли.

Все произошло очень быстро, однако каждый удар стал отдельным событием в моей жизни, навсегда запечатлевшись в памяти. Отец никогда не бил меня, а мать в тех редких случаях, когда ей приходилось призывать меня к порядку, могла лишь отвесить легкую затрещину. И она всегда делала это, чтобы уберечь меня от опасности, чтобы мне не вздумалось трогать горячий каминный экран или тянуться к кастрюле на плите, которая тогда была выше моей головы. Мне очень редко доводилось драться с детьми в Ивовом Лесу. Они бросали в меня шишки и мелкие камешки, и только раз случилась потасовка, после которой у меня пошла кровь. Но взрослые меня не били никогда. Не бывало такого, чтобы женщина держала меня самым болезненным образом и старалась причинить как можно больше страданий, не заботясь о том, насколько серьезно она меня ранит. Я

внезапно поняла, что, если Реппин выбьет мне зуб или глаз, никому, кроме меня, не будет никакого дела.

Перестань бояться. Перестань чувствовать боль. Сражайся.

Откуда-то возник Волк-Отец, он скалил зубы, и каждый волосок у него на загривке стоял дыбом.

Не могу! Реппин убьет меня!

Сделай ей больно. Кусайся, царапайся, пинай ее. Заставь ее заплатить за твою боль. Она все равно будет бить тебя, так постарайся содрать с нее столько, сколько сможешь. Попробуй убить ее.

Но...

Дерись!

Я перестала пытаться высвободить голову. Вместо этого, когда палка вновь ударила меня по спине, я рванулась к Реппин, схватила запястье руки, в которой она держала оружие, открыла рот как можно шире и вцепилась в него зубами. Не для того, чтобы сделать больно или оставить отметины. Для того, чтобы прокусить до кости и вырвать побольше мяса и жил. Реппин заорала и замахала на меня палкой, а я замотала головой, отдирая свой кусок мяса. Она отпустила мои волосы, выронила палку и попятилась, но я держалась за запястье, пинала ее по голеним и коленям. Повисла на ней всем весом и постаралась сомкнуть коренные зубы.

Реппин вопила и металась. Она больше не пыталась меня ударить, думая только о том, как высвободиться. Реппин была девушка некрупная, а я набрала полный рот ее дряблых мышц.

Моя жертва вопила:

– Уберите ее от меня! Уберите ее от меня!

Реппин уперлась ладонью мне в лоб, отталкивая, но вышло, что только помогала мне сдирать мясо с ее костей. Она закричала снова. Я сжимала зубы и руки сильнее и сильнее. Она рухнула на землю, но я не ослабила хватки.

Берегись! предупредил Волк-Отец. *В сторону!*

Но я была всего лишь волчонком и не видела опасности – только корчащегося подо мной врага. И вдруг Двалия пнула меня так сильно, что челюсти мои разжались. Меня отшвырнуло от Реппин на влажную землю. Дух вышибло, я могла только перекатываться, не в силах встать

и убежать. Двалия пинала меня снова и снова. В живот, по спине. Ее башмак полетел мне в лицо...

* * *

Когда я очнулась, было темно. И холодно. Они как-то сумели развести огонь, но его свет почти не доставал до меня. Мое тело лежало спиной к костру, руки и ноги были связаны. Во рту солоно от крови, и загустевшей, и свежей. Я обмочилась, лежать в мокрых штанах было еще холоднее. Случилось ли это от побоев или от страха? Я не помнила. Очнувшись, поняла, что плачу. Все болело. Лицо с одной стороны – там, где Реппин ударила меня палкой, – распухло. Возможно, оно было в крови, потому что прошлогодние листья прилипли к коже. Спина болела, ребра мучительно отзывались при каждом вздохе.

Можешь пошевелить пальцами? Чувствуешь пальцы ног?

Я чувствовала.

Как болит живот – как большой синяк или как что-то сломанное?

Не знаю. Мне никогда еще не было так больно.

Я втянула побольше воздуха, и вместе с выдохом у меня вырвался всхлип.

Тихо. Ни звука, иначе они поймут, что ты очнулась. Можешь поднести руки ко рту?

У меня были обмотаны чем-то щиколотки, запястья связаны спереди. Я поднесла руки к лицу. Оказалось, меня связали обрывками моей же рубашки. Вот еще почему мне так холодно. Пусть днем в этот лес уже заглядывает весна, ночью еще властвует зима.

Перегрызи путы.

Не могу.

Мои губы распухли и кровоточили, зубы шатались и отзывались болью на прикосновение языка.

Можешь. Потому что должна. Перегрызи путы на руках, развяжи ноги, и мы уйдем. Я покажу тебе, куда идти. Тут есть кое-кто неподалеку. Если сумеешь пробудить его, он нам поможет. Если нет, я научу тебя охотиться. Когда-то мы с твоим отцом жили в этих горах. Возможно, логово, которое он построил, еще цело. Туда и пойдем.

Я не знала, что мы в горах! Ты жил тут с моим отцом?

Да. Я бывал тут раньше. А теперь хватит. Жуй давай.

Наклонить голову, чтобы дотянуться до связанных рук, было больно. Перетирать ткань зубами было больно. Когда-то я надела эту красивую рубашку, чтобы идти на урок к писарю Ланту. Одна из наших горничных, Кэшн, помогла мне одеться. Она выбрала эту светло-желтую рубашку, а сверху натянула на меня зеленую тунику. «Цвета нашего дома», – вдруг поняла я. Кэшн нарядила меня в цвета Ивового Леса, хотя туника была мне велика и доходила почти до колен, как платье. В тот день на мне были рейтузы, а не подбитые ватой штаны, которые дали мне похитители. Мокрые штаны. У меня снова вырвался всхлип. Я не сумела сдержаться, и он прозвучал вслух.

– ...Очнулась? – спросил кто-то у костра.

– Не трогайте, пусть лежит, как лежит, – хрипло велела Двалия.

– Но моему братику больно, – жалобно и глухо заныл Виндлайер.

– Твоему братику! – Голос Двалии был полон яда. – Только такой бесполой дурень, как ты, мог спутать Нежданного Сына с ублюдком какого-то Белого. Сколько золота мы потратили, сколько небелов я потеряла, а все, что мы сможем предъявить, – эта девчонка. Вы с ней оба тупицы невежественные. Ты решил, что она мальчик, а она вообще не знает, кто она. Она даже не умеет писать и не обращает внимания на сны. – И тут она добавила со странным злорадством: – Но я знаю, что она особенная. – И сразу самодовольство исчезло, сменившись насмешкой. – Можете мне не верить. Мне плевать. Но я бы на вашем месте надеялась, что в ней что-то есть, потому что, кроме нее, у нас нет ничего, чтобы заслужить милость Четырех. – Понизив голос, она пробормотала: – Как же обрадуется Колтри, узнав, что у меня ничего не вышло... А эта старая сучка Капра решит, что ей теперь и вовсе все позволено.

Алария очень осторожно спросила:

– Но если она – все, что у нас есть, может быть, стоит постараться доставить ее в целости?

– Вот если бы ты поймала ее, вместо того чтобы рухнуть мешком, возможно, ничего бы с ней не приключилось!

– Вы слышите? – вдруг спросила Реппин испуганным шепотом. – Кто-то засмеялся. А теперь... свирели играют! Слышите?

– Ты умом повредила, а все из-за того, что малявка тебя укусила. Держи свои глупости при себе.

– У меня кость проглядывает! Рука вся опухла. И боль толчками, будто барабан бьет.

Никто ничего не ответил, и в тишине я услышала, как трещит огонь.

Замри, велел Волк-Отец. Постарайся подслушать как можно больше. И с ноткой гордости добавил: Вот видишь, даже своими коровьими зубами ты смогла-таки научить ее бояться тебя. Даже старая сука теперь осторожничает. Но тебе нужно добиться большего. Оставь все мысли, кроме трех: «Я убегу. Я заставлю их бояться меня. И если представится случай, я их убью».

Они и так побили меня за то, что я попыталась бежать! Что они сделают со мной, если я убью кого-то из них?

Они тебя все равно побьют, если только ты не сбежишь. Но ты ведь слышала, ты им нужна. Поэтому, наверное, они тебя не убьют.

Наверное? – Меня окатило волной ужаса. Я хочу жить. Лучше уж остаться в плену, но живой.

Тебе так кажется, но, поверь мне, ты ошибаешься. Смерть куда лучше, чем жизнь в плену, которую они уготовили тебе. Я был пленником, игрушкой бессердечных людей. Я заставил их бояться меня. И тогда они попытались продать меня. А твой отец смог купить мне свободу.

Этой истории я никогда не слышала.

Она мрачная и грустная.

Мысли летят быстро. Пока бледные молчали, мы с Волком-Отцом многое успели сказать друг другу. Вдруг из темноты раздался крик. Я испугалась и стала грызть путы быстрее. Хотя что-то незаметно, чтобы от этого был толк. Снова раздались исковерканные слова, и я поняла, что говорят на калсидийском. Должно быть, это Керф, наемник, которого Виндлайер своей магией заставил служить Двалии. Интересно, вернулся ли к нему разум после путешествия сквозь камни? И опухла ли его рука там, где я ее укусила? Стараясь двигаться как можно тише, я переместилась, чтобы посмотреть. Керф указывал на одну из древних колонн на краю поляны.

– Видите? – завопила Реппин. – Я не спятила! Керф тоже ее видит! Там на колонне сидит белый призрак! Разве вы не видите? Да она же Белая, правда? Только одета странно и поет что-то насмешливое.

– Я ничего не вижу, – зло отрезала Двалия.

Тогда в разговор робко вступил Виндлайер:

– А я вижу. Тут ходит эхо людей, которые бывали в этом месте в стародавние времена. У них здесь было торжище. А теперь дело к вечеру, и Белая певица смешит их.

– Я слышу... что-то, – неохотно подтвердила Реппин. – И когда я шла сквозь камень, какие-то люди говорили со мной. Они рассказывали жуткие вещи. – Она тихонько охнула. – А когда я спала сегодня днем, мне приснился сон. Очень яркий сон, из тех, о каких надо рассказывать. Мы потеряли наши дневники сновидений, когда бежали от калсидийцев. Я не могу записать свой сон, поэтому должна рассказать.

Двалия презрительно фыркнула:

– Можно подумать, от твоих снов когда-то был толк. Ладно, выкладывай.

Реппин заговорила быстро, слова так и хлынули из нее:

– Мне снился орех, который несла река. Кто-то выловил орех из реки. Орех положили на землю и стали бить по нему. Его били и били, чтобы расколоть, но орех только становился крепче. А потом кто-то расколол его. Пламя и тьма, запах тления и крики вырвались из него. И пламя сложилось в слова: «Грядет Разрушитель, вами созданный!» Страшный ветер налетел на Клеррес, подхватил нас и разбросал в разные стороны.

– Грядет Разрушитель! – громко и радостно повторил Керф из темноты.

– Молчать! – прикрикнула на него Двалия, и он рассмеялся. – И ты, Реппин, тоже помолчи. Этот сон не из тех, что стоило рассказывать. Это просто горячка помутила твой разум. Вы прямо как трусливые детишки: придумываете себе тени и призраков у себя в головах. Алария и Реппин, идите принесите дров. Наберите побольше, чтобы хватило на всю ночь, а потом проверьте мелкую бестию. И чтоб я больше ни слова этой чепухи не слышала.

Алария и Реппин тяжело побрели в лес. Мне показалось, что они идут неохотно, словно темнота пугает их. А Керф будто не видел эту парочку, он вскинул руки и неуклюже пустился в пляс вокруг колонны. Не забывая о магии Виндлайера, я осторожно приспустила стены. До меня донеслись тихие, как жужжание пчел, голоса, и я увидела Элдерлингов в ярких нарядах. Их глаза искрились, а волосы блестели,

как полированное серебро и золотые кольца. Повсюду вокруг калсидийца Элдерлинги танцевали под напев Белой девушки, сидящей на колонне.

Двалия сердито уставилась на веселящегося Керфа.

– Почему ты не можешь держать его в узде? – строго спросила она Виндлайера.

Тот беспомощно развел руками:

– Здесь он слышит других. Их голоса сильны, их много. Они смеются, поют и празднуют.

– Я ничего не слышу! – сказала Двалия зло, но в голосе ее слышался страх. – Никакого с тебя проку. Не мог управлять этой малявкой, а теперь и чокнутым не можешь. А какие надежды я на тебя возлагала! Когда я выбрала тебя, когда даровала тебе то зелье... Только напрасно его на тебя потратила. Правы были остальные. Ты не видишь снов, и вообще ничего не видишь. Ты бесполезен.

Меня коснулся холодок внимания Виндлайера, словно сквозняком потянуло. Его горе захлестнуло меня, как волна. Я накрепко запечатала свои стены и запретила себе думать о том, что он беспокоится обо мне даже в минуты, когда ему горько. «Он слишком боится Двалии, – с яростью подумала я, – чтобы предложить мне помощь или утешение». Что толку в друге, который не готов рисковать ради тебя?

Он такой же твой враг, как и все остальные. Если выпадет случай, убей его, как убила бы любого другого. Если любой из них сунется к тебе – кусайся, лягайся и царапайся, как только можешь.

У меня все болит. Сил нет. Если попытаюсь защищаться, они поколотят меня.

Если ты сумеешь сделать им хоть немного больно, они поймут, что всякий, кто тронет тебя, поплатится. И может быть, кто-то не захочет платить.

Сомневаюсь, что смогу укунить или убить Виндлайера. Двалию я могла бы убить. Но остальных...

Они – ее оружие, ее зубы и когти. Ты сейчас не в том положении, чтобы быть милосердной. Продолжай грызть пути. А я расскажу тебе, как был в плену. Как меня били и держали в клетке. Заставляли драться с собаками или кабанами, которые не знали жалости, как и я. Меня морили голодом. Открой мне свой разум, и я расскажу тебе, как меня поработили и как мы с твоим отцом вырвались каждый из

своего плена. Тогда ты поймешь, почему должна убить, если представится возможность.

И он повел рассказ, точнее, стал вспоминать и позволил мне разделить с ним это воспоминание. Это было похоже на то, как просто оживляешь события в памяти, только в мельчайших подробностях. Он не стал скрывать от меня память о том, как убили родителей, как его самого избивали, морили голодом, держали в холодной клетке. Не стал скрывать то, как сильно ненавидел своих захватчиков и как поначалу ненавидел моего отца, даже после того, как тот освободил его. Ненависть вошла у него тогда в привычку, она кормила его и поддерживала в нем жизнь, когда больше ничего не оставалось.

Я не перегрызла скрученный из полотна жгут и до середины, когда Двалия послала Аларию отвести меня к костру. Прикидывалась мертвой, пока девушка не склонилась надо мной:

– Би?

Я рванулась и укусила. Схватила зубами ее руку, но лишь на миг: мне трудно было как следует сжимать ее разбитым ртом, и Алария быстро вырвалась и отскочила.

– Она меня укусила! – крикнула девушка остальным. – Эта мелкая гадина укусила меня!

– Пни ее, – велела Двалия.

И Алария занесла ногу, но только сделала вид, будто бьет меня. Волк-Отец был прав: подходить близко она боялась. Я откатилась от нее и, хотя все тело отчаянно возражало, сумела сесть. Свирепо уставившись на Аларию единственным здоровым глазом, растянула разбитые губы и оскалилась. Не знаю, много ли она разглядела в неверном свете костра, но подходить не стала.

– Она очнулась, – сообщила Алария, как будто я могла укусить ее, не приходя в себя.

– Тащи ее сюда.

– Она кусается!

Двалия встала. Двигалась она скованно. Я замерла, приготовившись уклониться от ее пинка или, если получится, вцепиться зубами. К моей радости, оказалось, что у Двалии под обоими глазами красуются синяки, а щека ободрана до мяса.

– Слушай, ты, маленькая дрянь! – рявкнула она на меня. – Мы не будем тебя бить, но только если ты станешь меня слушаться. Поняла?

Она торгуется. Значит, боится тебя.

Я молча уставилась на нее, не позволяя никаким чувствам отразиться у меня на лице. Она потянулась, чтобы схватить меня за грудки. Я оскалила зубы, и этого хватило, чтобы Двалия отдернула руку.

Заговорила так, будто я согласилась ее слушаться:

– Сейчас Алария освободит тебе ноги. Мы отведем тебя к огню. Попытаешься сбежать – клянусь, я тебя калекой сделаю. – Дождаться ответа она не стала. – Алария, перережь ей путы на ногах.

Я вытянула ноги в сторону девицы. У Аларии был очень хороший поясной нож. Интересно, получится ли у меня присвоить его? Она пилила и пилила ткань, стягивающую мне ноги. Это оказалось куда больнее, чем я думала. Когда она наконец одолела путы, я сбросила их и почувствовала противную горячую щекотку, когда к стопам стала возвращаться кровь. Может, Двалия хочет, чтобы я дала ей повод избить меня, если попытаюсь сбежать?

Пока рано. Копи силы. Притворись слабее, чем ты есть.

– Вставай и топай! – велела мне Двалия.

И решительно пошла прочь от меня, словно чтобы показать, что уверена в моей покорности.

Пусть думает, что я сдалась. Еще найдется способ сбежать от нее. Но волк прав. Пока рано. Я встала, но очень медленно – и пошатнулась. Попыталась выпрямиться, хотя в животе кололо так, будто он был полон ножей. От пинков Двалии что-то у меня внутри сильно повредилось. Сколько времени понадобится, чтобы это зажило?

Виндлайер опасно подошел к нам.

– Ох, братик! – промычал он уныло, увидев мое разбитое лицо.

Я зыркнула на него, и Виндлайер отвел глаза. Стараясь держаться гордо и независимо, хотя едва могла идти от боли, я побрела к костру.

Мне впервые представилась возможность осмотреться и понять, где я очутилась. Камень привел нас на поляну посреди леса. Из-под деревьев протянулись длинные полосы снега, будто пальцы, но по непонятной причине они не касались площадки у камня и двух отходящих от нее дорог, вдоль которых буйно разрослись деревья; их ветви сходились пологом, а кое-где и сплетались над дорогами. Однако на самих тропках было на удивление мало снега и лесного мусора.

Неужели никто не замечает, как это странно? Ели с низкими раскидистыми ветвями окружали поляну, где Двалия и ее подручные развели костер. Нет. Не поляну. Волоча ноги, я брела по обтесанным камням, которыми была вымощена площадка. Ее частично обрамляла низкая каменная ограда с несколькими столбиками. На земле что-то валялось. Похоже на перчатку, которая пролежала часть зимы под снегом. А вон – обрывок кожаного ремня, возможно ляпка от заплечного мешка. И шерстяная шапка.

Невзирая на колотье во всем теле, я медленно наклонилась и подобрала находку, притворившись, что меня скрючило от боли в животе. Рассевшись у огня, мои враги делали вид, будто не смотрят на меня, – как кошки в засаде у мышинной норы. Шапка оказалась сырая, но даже отсыревшая шерсть немного греет. Попытка отряхнуть с нее иголки не удалась: руки слишком болели. Интересно, подобрал ли кто-нибудь мою шубу? Стоило мне встать и начать двигаться, как ночной холод разбередил каждый ушиб. Была еще только ранняя весна, и мороз ледяными пальцами забирался под рубашку там, где ее порвали, чтобы связать меня.

Забудь. Не думай о холоде. Используй другие чувства.

За пределами круга колеблющегося света от костра почти ничего не было видно. Я потянула носом. От земли поднимался насыщенный запахами пар. Я учуяла запах темной почвы и сухих еловых иголок. И жимолости.

Жимолость? В это время года?

Выдохни через рот и, пока воздух во рту, прогони его через нос, посоветовал Волк-Отец.

Я так и сделала. И медленно, потому что шея совсем задеревенела, повернула голову туда, откуда исходил запах. Вот она. Бледная, тонкая палочка, наполовину укрытая обрывком ткани. При попытке наклониться колени подогнулись, и я чуть не упала лицом вниз. Связанными руками осторожно подобрала свечу. Та была сломана, две половинки удерживал вместе только фитиль, но я узнала ее. Поднесла к лицу и вдохнула аромат. Мамина работа...

– Откуда это здесь? – тихо спросила я у темноты.

Кусок ткани и лежавшая неподалеку женская перчатка, мокрая и заплесневелая, не были мне знакомы. Могла ли я ошибаться? Могли ли другие руки собрать воск и напоить его ароматом бутонов жимолости?

Мог ли кто-то другой терпеливо обмакивать фитиль в горшочек с воском, чтобы создать этот элегантный конус? Нет. Это мамина работа. Может быть, я даже помогала ей делать эту свечу. Но как она тут очутилась?

Твой отец был здесь.

Разве это возможно?

Любой другой ответ из тех, что приходят мне на ум, еще невозможнее.

Сложив свечу вдвое, я спрятала ее за пазуху. Воск охлаждал кожу. Мое! Послышалось шарканье Виндлайера, он шел в мою сторону. Краем глаза мне было видно, как Двалия протягивает руки к огню, чтобы согреть их. Моя шуба была у Реппин. Она сложила ее в несколько раз и сидела на ней, как на подушке, рядом с Аларией. Поймав мой взгляд, Реппин злобно ухмыльнулась. Я взглянула на ее руку, потом снова посмотрела в глаза и улыбнулась ей. Кисть, торчавшая из рукава, вся раздулась, пальцы были как сосиски. Между ними и вокруг костяшек кожа налилась темной кровью. Неужели у Реппин не хватило ума промыть рану?

Я медленно подошла и села там, где в кругу между ними оставалось больше всего места. Двалия встала у меня за спиной. Нельзя было оборачиваться.

– Сегодня ты еды не получишь. Не думай, что сможешь сбежать. Ничего у тебя не выйдет. Алария, ты будешь сторожить первой. Потом разбуди Реппин, чтобы сменила тебя. Не дайте Би сбежать, а то поплатитесь.

И она отошла туда, где лежала их поклажа. Вещей было немного. Белые бежали от людей Эллика с тем, что успели прихватить. Двалия сделала себе нечто вроде подушки под спину из свертков и откинулась на нее, не заботясь о том, как будут обходиться остальные. Реппин украдкой огляделась, потом расправила мою шубу на земле, легла на нее и завернулась. Виндлайер уставился на них и просто лег на землю, как собака. Сунул руки под голову и тоскливо уставился в огонь. Алария сидела, скрестив ноги, и злобно глядела на меня. На калсидийца никто не обращал внимания. Вскинув руки над головой, он бешено отплясывал под призрачную музыку, раззявив рот в бездумном восторге. Может, разум у него и помутился, но танцор из него был великолепный.

Хотелось бы знать, где сейчас мой отец. Вспоминает ли обо мне? Вернулась ли Шун домой, чтобы рассказать ему, что меня увели сквозь камень? Или она умерла в лесу? Если умерла, он никогда не узнает, что со мной произошло и где меня искать. Я замерзла и хотела есть. И чувствовала себя совсем потерянной.

Раз не можешь поесть – спи. Отдых – единственное, что ты можешь дать себе сейчас. Вот и отдыхай.

Я посмотрела на подобранную шапку. Она была серая, из простой некрашеной шерсти, но кто-то сплел пряжу и связал ее на совесть. Я встряхнула ее на случай, если там затаились насекомые, и кое-как надела связанными руками. Мокрая ткань сперва холодила, но постепенно согрелась. Я устроилась на том боку, что меньше болел, спиной к огню. Тепло моего тела пробудило запах свечи. Вдохнув аромат жимолости, я свернулась калачиком, словно пытаюсь уснуть, поднесла руки к лицу и принялась грызть путы.

Глава 2

Прикосновение Серебра

Странная сила просыпается в тех, кто принимает последний бой. Это бывает не только на войне и не только с воинами. Я видел эту силу у задыхающихся от кашля старух, мне рассказывали, как она приходила к голодающим семьям. Эта сила заставляет действовать вопреки надежде и отчаянию, вопреки потере крови и ранам в животе, вопреки самой смерти в последнем рывке защищать самое дорогое. Это отвага без надежды. Во время войн красных кораблей я видел человека, которому отрубили левую руку. Кровь хлестала из раны, а он размахивал мечом в правой руке, защищая упавшего товарища. Я видел мать, которая, спотыкаясь о собственные кишки, бросилась на «перекованного» и вцепилась в него, защищая дочь.

У жителей Внешних островов есть особое слово для этой силы. Они зовут ее «поскров», потому что верят, что эта отвага струится в крови мужчины или женщины перед неминуемой гибелью. В их сказаниях говорится, что только в последние свои минуты может человек обрести эту храбрость.

Это ужасающая отвага, и хуже и страшнее всего она проявляется, когда человек многие месяцы борется со смертельной болезнью. Или, наверное, тогда, когда человек следует долгу, зная, что это убьет его, но поступить иначе невозможно. Эта «поскров» заливают все, что есть в жизни, зловещим сиянием. Отношения, нынешние и прошлые, предстают в истинном свете. Весь самообман развеивается. Ложь предстает такой же неприкрытой, как правда.

Фитц Чивэл Видящий

Стоило мне ощутить вкус эльфийской коры, как звуки сражения вокруг стали громче. Я поднял голову и попытался сосредоточить взгляд. Глаза жгло. Тело висело на руках Ланта, во рту стояла знакомая горечь. Она заглушила мою магию, и я стал лучше понимать, что происходит. Левое запястье отчаянно болело, словно его до самой

кости пронзил ледяной металл. Пока Сила хлестала сквозь меня, пока я лечил и преображал детей Кельсингры, то почти не замечал ничего больше, но теперь отчетливо слышал крики толпы вокруг, эхом отдававшиеся под сводами элегантного покоя Элдерлингов. В воздухе пахло потом, какой выступает от страха. Меня зажало в толпе: некоторые Элдерлинги пытались отойти, но другие напирали, в надежде, что я помогу им. Так много людей! Ко мне тянулись руки, кто-то кричал: «Пожалуйста! Еще всего одного!» – а другие вопили: «Пропустите!» – пытаюсь протолкаться наружу. Поток Силы, так мощно струившийся вокруг и сквозь меня, ослаб, но не исчез. Эльфийская кора Ланта была слабая, из Шести Герцогств, и, судя по вкусу, порядком залежалась. Здесь, в городе Элдерлингов, Сила была таким фонтаном, что вряд ли даже кора дерева делвен могла бы полностью закрыть меня от нее.

И все же этой коры хватило. Я чувствовал Силу, но больше не был обречен служить ей. Однако, пока я направлял ее, так переутомился, что едва стоял на ногах, а именно теперь мне, как никогда, нужно было быть сильным. Генерал Рапскаль заставил Шута выпустить меня из объятий. Он схватил Янтарь за запястье и поднял ее руку высоко над головой, крича:

– Я говорил! Я говорил, что они воры! Посмотрите на ее руку, покрытую драконьим Серебром! Она нашла Кладезь! Она украла сокровище наших драконов!

Спарк повисла на другой руке Янтарь, пытаюсь помочь ей вырваться из хватки генерала. Зубы девушки были оскалены, черные кудри растрепались. Увидев выражение безграничного ужаса на покрытом шрамами лице Янтарь, я окаменел: все годы, которые Шут провел в заточении, отразились в этой застывшей гримасе. Это была теперь маска смерти: выпирающие кости, ярко-алые губы, нарумяненные щеки. Я понимал, что должен прийти на помощь. Но как? Сам едва держался на ногах.

Персивиранс схватил меня за руку:

– Принц Фитц Чивэл, что я должен делать?

А у меня даже не хватило дыхания ответить ему.

– Фитц! Встань прямо! – гаркнул мне в ухо Лант. В этом крике странно сочетались мольба и приказ.

Я уперся ногами в пол и собрал все силы, чтобы не упасть.

Мы прибыли в Кельсингру только вчера, и несколько часов я был героем, волшебником и принцем Шести Герцогств, излечившим Ефрона, сына короля и королевы Элдерлингов. Сила текла сквозь меня, пьянящая, как бренди из Песчаных пределов. По просьбе короля Рэйна и королевы Малты я вылечил при помощи магии полдюжины преобразенных драконами детей. Я открыл свою душу могучему потоку Силы, текущему в древнем городе Элдерлингов. Омываемый его мощью, я делал так, чтобы люди снова могли свободно дышать, чтобы их сердца бились ровно. Выпрямлял кости и убирал чешую с век. Кого-то сделал более похожим на человека, а одна девочка предпочла расти по образу дракона, и я помог ей в этом.

Но течение Силы сделалось слишком властным, слишком пьянящим. Магия больше не подчинялась мне, сделав меня своим орудием. После того как я по просьбе родителей исцелил детей, вперед протолкались другие. Взрослые жители Дождевых чащоб, чьи тела исказились так, что это причиняло им неудобство, выглядело уродливо или даже угрожало жизни, молили меня помочь им. И я, идя на поводу у магии, даровал им желаемое щедрой рукой. Я окончательно забыл об осторожности, но, когда уже решил отдаться на волю течения и раствориться в нем, Янтарь сбросила перчатку с руки. Чтобы спасти меня, она открыла взглядам украденное драконье Серебро. Чтобы спасти меня, она прижала три обжигающе горячих пальца к моему запястью, прожгла путь к моему рассудку и позвала обратно. Чтобы спасти меня, она созналась в краже. Горячий поцелуй ее пальцев до сих пор горел, будто свежий ожог, отдаваясь болью в костях левой руки, в плече, спине и шее.

Я не знал, какой вред причиняет мне этот ожог в эти самые минуты. Но по крайней мере, я снова оказался прикован к своему телу. И оно тянуло меня на дно. Сам я потерял счет исцеленным Элдерлингам, но тело помнило все. Каждое спасение, каждое преобразование не могло обойтись даром. Настало время платить по счетам. Как я ни старался держаться, голова моя падала на грудь, а глаза упорно закрывались, невзирая на угрозу и шум со всех сторон. Все было как в тумане.

– Рапскаль, прекрати вести себя, будто недоумок! – рывкнул король Рэйн, внося свою лепту в рев толпы.

Лант вдруг обхватил меня крепче, заставив выпрямиться.

– Отпустите ее! – завопил он. – Освободите нашу подругу, иначе принц отменит все исцеления, которые сотворил! Отпустите ее сейчас же!

Толпа заахала, кто-то всхлипнул, мужской голос крикнул:

– Нет! Он не имеет права!

А какая-то женщина закричала:

– Отпусти ее! Отпусти ее, Рапскаль!

Королева Малта крикнула повелительно:

– Разве так мы встречаем гостей и послов? Отпусти ее, Рапскаль! Сию же минуту!

Ее щеки горели, мясистый гребень надо лбом окрасился ярким цветом.

– Отпусти меня! – Голос Янтарь прозвучал властно и мощно. Откуда-то, из какого-то глубинного источника, она почерпнула силы, чтобы заступиться за себя. Ее крик перекрыл вопли толпы. – Отпусти, а не то я коснусь тебя!

И, показывая, что не шутит, она перестала вырываться и метнулась к Рапскалю. Серебряные пальцы едва не дотронулись до его лица. Генерал встревоженно вскрикнул, выпустил ее руку и отскочил назад. Но Янтарь на этом не остановилась.

– Назад, все! – указала она. – Дайте нам вздохнуть, а мне – взглянуть, что с принцем, или, Са свидетель, я коснусь вас!

Она говорила повелительным тоном разъяренной королевы, готовой исполнить свою угрозу. Вытянув посеребренный указательный палец, Янтарь очертила им дугу перед собой, и люди попятились, толкая друг друга, чтобы оказаться подальше от нее.

Тогда возвысила голос мать девочки с драконьими лапами:

– Лучше делайте, как она говорит! Если на пальцах у нее и правда драконье Серебро, одно прикосновение означает медленную смерть. Оно прожжет вашу плоть до самых костей, расплзется по костям до хребта, по хребту дойдет до черепа. Когда смерть придет, вы будете уже только рады ей.

Все попятились, а эта женщина стала проталкиваться к нам. Она не была высокой или крупной, но все драконьи хранители расступались перед ней. Женщина остановилась на таком расстоянии от нас, где Янтарь не могла до нее дотронуться. Дракон, с которым она была связана, создал на ее коже узор из синей и серебряной чешуи. Крылья

были аккуратно сложены за спиной. Когти на ногах стучали по полу, когда она шла. Из всех собравшихся Элдерлингов на ней ярче всех сказалось влияние дракона. Благодаря ее предупреждению и угрозе Янтарь вокруг нас образовался небольшой пяточок, куда никто не решался ступить.

Янтарь снова встала возле меня, хватая ртом воздух и пытаясь успокоить дыхание. Спарк держалась с другой стороны от нее, а Персивиранс встал перед ней, готовый защитить.

Янтарь проговорила низким, спокойным голосом:

– Спарк, помоги мне надеть перчатку, будь добра.

– Конечно, госпожа.

Перчатка валялась на полу. Спарк подошла и осторожно подобрала ее двумя пальцами.

– Сейчас я дотронусь до вашего запястья, – предупредила девушка и легкими постукиваниями пальцев по тыльной стороне ладони помогла Янтарь вдеть руку в перчатку.

Янтарь все еще тяжело дышала, но я, по-прежнему обессиленный, с радостью заметил, что к ней хотя бы отчасти вернулись сила и самообладание Шута. Она взяла меня под локоть не тронутой серебром рукой, и ее прикосновение придало мне уверенности. Оно как будто отвело часть потока Силы, что так и хлестал сквозь меня. Я ощутил нашу связь и почувствовал себя не таким разбитым.

– Думаю, я могу стоять сам, – шепнул я Ланту, и он чуть разжал руки, перестав удерживать меня.

Нельзя было, чтобы кто-то увидел мое бессилие. Я протер глаза и отряхнул с лица пыль эльфийской коры. Колени больше не подгибались, и мне удавалось держать голову высоко. Ужасно хотелось достать из-за голенища нож, но было ясно, что стоит мне наклониться, как я повалюсь на пол.

Женщина, которая советовала всем держаться подальше, вышла на освободившийся вокруг нас пяточок, но остановилась на расстоянии вытянутой руки.

– Леди Янтарь, на твоей руке и правда драконье Серебро? – спросила она со сдержанным ужасом.

– Правда! – Это генерал Рапскаль опомнился и встал рядом с женщиной-Элдерлингом. – Она похитила его из драконьего Кладезя. Ее надо покарать! Хранители и граждане Кельсингры, нельзя все

прощать только потому, что они исцелили несколько детей! Мы даже не знаем, останутся ли дети здоровы и впредь, или это все хитрый обман. Но мы все видели доказательство кражи, а мы помним, что наш первейший долг – заботиться о драконах, почтивших нас дружбой.

– Говори за себя, Рапскаль. – Женщина одарила его ледяным взглядом. – Для меня первейший долг – забота о дочери, а она теперь может нормально стоять.

– Тебя так легко купить, Тимара? – ядовито спросил Рапскаль.

В круг вышел отец девочки и встал рядом с женщиной, которую генерал назвал Тимарой. Девочка с драконьими лапами смотрела на нас сверху вниз, сидя на отцовском плече.

Мужчина заговорил таким тоном, будто отчитывал упрямого ребенка, упрекая Рапскаля с нотками свойской грубости:

– Уж кто-кто, а ты, Рапскаль, должен бы усвоить, что Тимару нельзя купить. Скажи мне вот что. Кому навредила эта леди, посеребрив свои пальцы? Только себе. Это убьет ее. Какое наказание будет хуже этого? Отпусти ее. Отпусти их всех. Пусть идут и прихватят мою благодарность.

– Она воровка! – Рапскаль сорвался на визг, растеряв все свое достоинство.

Сквозь толпу к нам наконец протолкался король Рэйн. Королева Малта шла за ним по пятам, сквозь чешую на ее щеках проступал румянец, глаза горели гневом. От ярости все изменения, вызванные драконом, сделались в ней ярче. Глаза сверкали нечеловеческим блеском, а гребень на макушке, возвышавшийся над волосами, стал как будто больше и напомнил мне петушиный.

Малта заговорила первой:

– Примите мои извинения, принц Фитц Чивэл, леди Янтарь. Надежда на исцеление вскружила людям голову. А генерал Рапскаль порой...

– Не надо говорить за меня! – перебил ее генерал. – Она украла Серебро, мы все видели тому доказательство. И нет, того, что она отравила себя, – недостаточно. Нельзя позволить ей уйти из Кельсингры. Никого из них нельзя отпускать, потому что теперь им известна тайна Кладезя!

Тут вмешалась Янтарь. Она говорила спокойно, но так веско, что слышали все:

– Серебро на моих пальцах было, думаю, еще прежде, чем ты появился на свет, генерал Рапскаль. Прежде чем вышли из коконов ваши драконы, прежде чем вы нашли и объявили Кельсингру своей, я носила на пальцах то, что мы в Шести Герцогствах зовем Силой. И ваша королева может это подтвердить.

– Она нам не королева, а он – не король! – Генерал Рапскаль выпятил грудь, чешуя у него на шее пошла ярко-алыми пятнами. – Они сами так все время говорят! Они твердят, что мы должны сами править своим городом, что они лишь названные правители, чтобы другим державам было проще иметь с нами дело. Так давайте же править сами, хранители! Давайте заботиться о наших драконах прежде всего, как и положено! – Он погрозил с безопасного расстояния леди Янтарь и снова обратился к своим людям: – Вспомните, каких трудов нам стоило отыскать Кладезь и восстановить его! Неужели вы поверите, будто она могла носить Серебро на пальцах десятилетиями и не умереть? Смешно!

Печальный голос королевы Малты прервал его напыщенную речь:

– Как ни жаль, я не могу подтвердить твои слова, леди Янтарь. Я знала тебя совсем недолго, пока ты жила в Удачном, да еще несколько раз мы встречались на переговорах о твоих ссудах с разными торговцами. – Она покачала головой. – Слово торговца крепко, и я не брошу своего на ветер даже ради помощи другу. Я могу сказать лишь, что ни разу не видела тебя в те дни без перчаток. Ни разу не видела твоих рук.

– Вот, слышали? – победно вскричал Рапскаль. – Доказательств нет! Нельзя...

– Не позволите ли мне сказать?..

За долгие годы, пока Шут был придворным шутком короля Шрюда, он отточил умение говорить так, чтобы даже шепот его был слышен каждому в большом и зачастую переполненном людьми зале. Он научил свой голос проникать всюду, и теперь тот с легкостью перекрыл не только крики Рапскаля, но и ропот толпы. Кипучая тишина заполнила зал. И когда Шут вышел на середину круга, расчищенного его угрозой, он двигался не как слепец. Он был актером, восходящим на сцену. Это читалось во внезапной грации его движений, в голосе рассказчика, в плавном взмахе облаченной в перчатку руки. В моих

глазах он был Шутом, а личина Янтарь была лишь маской, надетой ради представления.

– Вспомни один солнечный день, королева Малта. Тогда ты была еще девочкой и твоя жизнь летела кувырком. Твоя семья надеялась вернуть свое состояние, спустив на воду Совершенного, живой корабль, безумный настолько, что он трижды переворачивался и губил всю команду. Но он был последней надеждой вашего семейства, и твои родные потратили последние деньги на то, чтобы починить и заново оснастить его.

Он заморозил всех, не исключая и меня. Я заслушался историей не меньше, чем любой человек в толпе.

– Твоя семья надеялась, что Совершенный поможет найти и привезти домой вашего давно пропавшего отца и брата. Что каким-то чудом он сумеет вернуть вам Проказницу, наследный живой корабль вашего семейства, который, по слухам, захватили пираты. И не просто пираты, а сам капитан Кеннит, овеянный зловещей славой. Ты стояла на палубе безумного корабля, в перешитом платье и с прошлогодним зонтиком от солнца, стояла и храбрилась. И когда все остальные отправились осматривать трюм и кубрики, ты осталась на палубе и Альтия, твоя тетя, попросила меня тоже остаться и присмотреть за тобой.

– Я помню тот день, – медленно проговорила Малта. – Тогда мы с тобой впервые по-настоящему разговаривали. Я помню... мы говорили о будущем. О том, что оно уготовило мне. Ты тогда сказала, что тихая жизнь никогда не удовлетворит меня... Ты сказала, что я должна заработать свою будущность... Как же ты тогда выразилась?

Леди Янтарь улыбнулась: ей было приятно, что королева помнит слова, которые она сказала ей еще в детстве.

– То, что я сказала тебе тогда, столь же справедливо и теперь. Завтрашний день воздаст тебе по сумме дней вчерашних. И не более. Но и не менее.

Улыбка Малты засияла, как солнечный свет.

– И еще ты сказала, что иные из людей хотели бы, чтобы завтрашний день не расплачивался с ними сполна.

– Верно.

Королева шагнула вперед, невольно включаясь в представление, и заняла свое место на сцене, устроенной Янтарь. Нахмурившись, она

заговорила, будто в полусне:

– И тогда... я услышала шепот Совершенного. И я почувствовала... О, тогда я еще не понимала этого, но я почувствовала, как драконица Тинталья вторглась в мой разум. И она едва не задушила меня, заставив разделить с ней заточение в ее кургане. И я лишалась чувств. Это было ужасно... Казалось, я в ловушке и никогда не найду дорогу обратно, не вернусь в свое тело.

– Ты покачнулась и упала бы, не подхвати я тебя, – сказала Янтарь. – И тогда-то я коснулась твоей шеи сзади кончиками пальцев, покрытыми Силой. Серебром, как вы это зовете. При помощи этой магии я призвала тебя назад, в твое тело. Но колдовство оставило след. И тонкую волшебную нить, что незримо связывает нас по сей день.

– Что? – Малта словно не верила своим ушам.

– А ведь это правда! – воскликнул король Рэйн со смехом, в котором смешались радость и облегчение. – Отметины на твоей шее, милая! Я видел их в те дни, когда твои волосы были черными как вороново крыло, прежде чем Тинталья обратила их в золото. Три сероватых овала, словно отпечатки серебряных пальцев, помутневшие от времени.

Рот Малты приоткрылся от удивления. При словах Рэйна рука ее метнулась назад, под струящийся поток золотых волос – золотых, а не просто светлых.

– Там всегда было чувствительное место. Словно незаживающий синяк... – Она вдруг подняла свои пышные волосы, открыв на обозрение шею. – Подходите и смотрите все, кто желает убедиться, что мой муж и леди Янтарь говорят правду.

Я был одним из желающих. По-прежнему опираясь на плечо Ланта, подковылял к королеве и увидел точно такие же отметины, как те, что когда-то были выжжены у меня на запястье. Три серых овала, отпечатки посеребренных пальцев Шута. Они были там.

Женщина по имени Тимара в свой черед подошла взглянуть на затылок королевы и уставилась на отметины с ужасом.

– Удивительно, как это не убило тебя, – тихо проговорила она.

Я думал, что на этом все и разрешится, к общей радости, но генерал Рапскаль, поглядев на отметины раза в три дольше прочих любопытствующих, отвернулся от королевы и заявил:

– Ну и что с того, что Серебро было на ней еще тогда? Какая разница, украла она его несколько ночей или десятилетий назад? Серебро из колодца принадлежит драконам. Ее надо наказать.

Я выпрямил спину и напряг мышцы живота. Мой голос не должен дрогнуть. Набрал побольше воздуха, чтобы меня услышали все. Хорошо бы еще, чтобы меня не стошнило.

– Это Серебро не из Кладезя. Сам король Верити покрыл им свои руки, чтобы сотворить свое последнее и величайшее чудо. Мой король окунул руки в реку Силы, текущую среди вод обычной реки. Это не драконье Серебро. Это Сила из реки Силы.

– И где же течет эта река? – спросил Рапскаль с жадностью, насторожившей меня.

– Я не знаю, – ответил я, не покривив душой. – Я видел ее лишь однажды, во сне, навеванном Силой. Мой король не позволил мне отправиться туда с ним, опасаясь, что я поддамся искушению нырнуть в эту реку.

– Искушению? – Тимару явно глубоко поразили мои слова. – Мне даровано право использовать Серебро, чтобы восстанавливать город, но не чувствую искушения нырнуть в него. Напротив, оно внушает мне страх.

– Это потому, что оно не течет в твоей крови с рождения, – сказал Шут, – как оно течет в крови некоторых Видящих. Как течет оно в крови принца Фитца Чивэла, наделенного от рождения Силой – той Силой, при помощи которой он может придавать форму детским телам, как ваятель придает форму камню.

Повисло потрясенное молчание.

– Разве это возможно? – с искренним недоумением выдохнула крылатая женщина.

Янтарь снова возвысила голос:

– Магия на кончиках моих пальцев – та самая, которую случайно даровал мне король Верити. Она моя по праву, украденная не более, чем магия в крови принца Фитца Чивэла – магия, которой вы так охотно позволили ему делиться с вашими детьми. Как вы зовете таких людей? Отмеченными Дождевыми чащобами? Преображенными драконами? Если магия на моих пальцах украдена, что ж, тогда каждый исцеленный среди вас – соучастник в краже, совершенной принцем.

– Это не оправдывает... – начал было Рапскаль.

– Довольно, – оборвал его король Рэйн.

Я видел, как глаза Рапскаля сверкнули гневом, но он промолчал, а король продолжил:

– Мы оскорбили и утомили наших гостей. Принц по доброй воле согласился поделиться с нами своей магией, а мы стали требовать все больше и больше. Смотрите, как он бледен, как он дрожит. Дорогие гости, пожалуйста, вернитесь в свои покои. Позвольте нам принести вам закуски и наши извинения. Но главное, примите нашу благодарность.

Он подошел к нам и жестом велел Персивирансу отойти. За королем шла Малта, бесстрашно протягивая руку Янтарь. Рэйн схватил меня за плечо с неожиданной для него силой. Это было немного унижительно, но я был благодарен за помощь. С трудом оглянувшись, увидел, что королева Малта и Спарк сопровождают Янтарь, а замыкает нашу процессию Пер. Мальчишка шел медленно и часто оглядывался, словно опасался подвоха, но мы покинули зал без происшествий. Вдоль стен коридора выстроились любопытствующие, которым не досталось приглашения на встречу. Мы двинулись между ними, а тем временем у нас за спиной распахнулись двери зала, гул голосов вырвался оттуда и набрал силу. Коридор казался бесконечным. Когда мы наконец добрались до лестницы, ступени поплыли у меня перед глазами. Я не представлял, как сумею забраться по ним. Но знал, что выбора у меня нет.

И стал подниматься – медленно, шаг за шагом. Вот и дверь в мои комнаты.

– Спасибо, – из последних сил выдавил я.

– Ты еще и благодаришь меня! – со смехом фыркнул Рэйн. – Да после всего, через что вам пришлось пройти, я заслуживаю скорее твоих проклятий.

– Не вы.

– Что ж, можете отдыхать.

И они с королевой остались в коридоре, а наша компания зашла внутрь. Персивиранс притворил дверь за нами, и на меня накатило такое облегчение, что колени подогнулись. Лант обхватил меня за талию, чтобы помочь дойти до стола. Я взял его за руку, пытаюсь удержаться на ногах.

Это было ошибкой. Он резко вскрикнул и упал на колени. А я в этот миг ощутил, как Сила ударила сквозь меня, молниеносно, словно змея. Лант схватился за шрам на месте раны, нанесенной калсидийскими наемниками. Она давно срослась; с виду казалось, что полностью зажила. Но краткое прикосновение сказало мне, что его телу еще оставалось много работы, а еще – что одно ребро срослось криво и челюсть в одном месте немного гноилась, до сих пор причиняя ему боль. И все это уже исправлено и исцелилось, если только можно назвать исцелением такое грубое вмешательство. Я радостно рухнул на него.

Лант застонал. Я попытался скатиться с него, но сил не было.

Персивиранс вызвался:

– Господин, я помогу вам!

– Не трогай... – начал я, но он уже наклонился и взял меня за руку.

Его крик был еще пронзительнее; голос юноши вновь зазвучал по-детски визгливо. Он повалился на бок и дважды всхлипнул, прежде чем смог совладать с болью. Я сумел-таки откатиться от них обоих. Лант лежал не шевелясь.

– Что случилось? – Голос Янтарь едва не срывался на крик. – На нас напали? Фитц? Фитц, где ты?

– Я здесь! Опасности нет. Это Сила... Я коснулся Ланта. И Пера.

– Что?

– Он... Сила что-то сделала с моей раной. Она снова кровоточит. Мое плечо... – сдавленным голосом произнес Персивиранс.

Ну конечно. Так и должно было быть. Но это быстро прекратится. Трудно было пошевелить языком. Я лежал и смотрел в потолок, который изображал небо. По лазури плыли мастерски нарисованные пушистые облака.

Я приподнял голову и сумел-таки объяснить:

– Это не кровь, Пер. Просто влага. Глубоко в ране остался клочок ткани и медленно гнил. Надо было, чтобы он вышел наружу вместе с гноем. Вот он и вышел, а рана снова закрылась. Теперь она полностью зажила.

Сказав это, я снова распластался на полу и стал смотреть, как прекрасная комната кружится вокруг меня. Если закрыть глаза, она вертелась быстрее. Если открыть – расписанные деревьями стены покачивались. Я услышал, как Лант перекатился на живот и встал.

Он присел на корточки рядом с Пером и мягко сказал:

– Ну-ка, давай поглядим, что с тобой.

– На свои раны тоже посмотри, – пробормотал я. Потом перевел взгляд, увидел, что Спарк стоит надо мной, и крикнул: – Нет! Не прикасайся ко мне. Это от меня не зависит...

– Давай я помогу ему, – тихо сказала Янтарь.

Сделав два несмелых шага, она очутилась надо мной.

Я спрятал кисти рук под жилетом:

– Нет! Тебе больше всех прочих нельзя прикасаться ко мне!

Она грациозно присела рядом, но на корточки опустился уже мой Шут, а никакая не Янтарь.

Голосом, полным печали, он промолвил:

– Неужели ты боишься исцелить во мне то, чего не желаешь, Фитц?

Комната по-прежнему кружилась, и я был слишком обессилен, чтобы утаивать что-то от него.

– Я боюсь, что, если ты коснешься меня, Сила пройдет сквозь меня, как меч сквозь тело. Если она сможет, то вернет тебе зрение. И ей все равно, чего это будет стоить мне. А я думаю, что, исцелив тебя, ослепну сам.

Страшно было видеть, как он изменился в лице. Шут и так был бледным, а тут побелел так, что стал похож на ледяное изваяние. От волнения кожа на его лице натянулась, под ней проступили кости. Шрамы, сделавшиеся уже почти незаметными, теперь показались снова, похожие на трещины в тонком фарфоре. Я пытался сосредоточить на нем взгляд, но он словно плыл вместе с комнатой. Меня тошнило, одолевала слабость, и я злился, что проболтался ему. Но скрывать что-либо было поздно.

– Шут, мы слишком близки. За все, что я исцелил в тебе, мне приходилось расплачиваться собственными ранами. Не такими опасными, как твои, но, когда я заставил зарости раны у тебя в животе, которые сам нанес, я ощутил их боль на себе на следующий день. А когда я залечил глубокие свищи у тебя в спине, они открылись у меня.

– Я видел те раны! – ахнул Персивиранс. – Я тогда подумал, что кто-то напал на вас и несколько раз ударил в спину.

Не отвлекаясь на него, я продолжал единым духом:

– Когда я вправил кости вокруг твоих глазниц, на следующий день мое лицо опухло и потемнело, как от ударов. Если ты прикоснешься ко

мне, Шут...

– Я не стану! – воскликнул он, вскочил на ноги и слепо попятился от меня. – Уйдите, все трое! Немедленно. Нам с Фитцем надо поговорить наедине. Нет, Спарк, со мной все будет хорошо. Я могу позаботиться о себе. Пожалуйста, уходите. Сейчас.

Они ушли, но не быстро. Покидали комнату все вместе, сбившись плотно, то и дело с тревогой оглядываясь на нас. Спарк взяла Пера за руку, и они, обернувшись, уставились на нас глазами обиженных детей. Лант шел последним, и на лице его застыла свирепая решимость Видящего. В этот миг он так походил на своего отца, что никто бы не усомнился в его происхождении.

– В мои покои, – сказал он Спарк и Перу, когда закрывал за ними дверь, и я знал, что он постарается защитить их.

Я надеялся, что на самом деле опасаться нечего. Но боялся, что генерал Рапскаль еще с нами не закончил.

– Объясни, – бесцветным голосом произнес Шут.

Я заставил себя подняться с пола. Это оказалось куда труднее, чем при нормальных обстоятельствах. Перекатившись на живот, я подтянул колени к животу, встал на четвереньки и выпрямился. Ухватившись за край стола, проковылял вокруг него к стулу. Исцелив по неосторожности Ланта, а потом и Пера, я окончательно обессилел. Опустившись на стул, с трудом втянул в себя воздух. Даже держать голову было трудно.

– Я не могу объяснить то, чего сам не понимаю. Такого не происходило ни при одном исцелении Силой, которому я был свидетелем. Только между мной и тобой. Все раны, что я забирал у тебя, появлялись у меня.

Он стоял, скрестив руки на груди. Его лицо снова было лицом Шута, и покрашенные губы и нарумяненные щеки Янтарь странно смотрелись на нем. Глаза словно жгли меня насквозь.

– Нет. Объясни, почему ты скрыл это от меня. Почему не доверил мне такую простую правду. Что ты себе вообразил? Что я потребую от тебя ослепнуть, лишь бы я снова мог видеть?

– Я... нет!

Не помню, когда я в последний раз чувствовал себя таким изможденным. Толчки боли в висках вторили ударам сердца. Мне нужно было восстановить силы, но даже просто сидеть было слишком

тяжелой задачей для меня. Хотелось рухнуть на пол и провалиться в сон. Я попытался привести мысли в порядок.

– Ты так отчаянно стремился вернуть себе зрение... Я не хотел отбирать у тебя эту надежду. Я задумал подождать, пока ты окрепнешь, чтобы круг Силы попытался исцелить тебя, если ты позволишь.

Я уронил голову на сложенные на столе руки.

Шут что-то сказал.

– Не слышу.

– Я и не хотел, чтобы ты слышал, – глухо сказал Шут. Потом признался: – Я обозвал тебя дурачком.

– А.

Я с трудом удерживал глаза открытыми.

Шут осторожно спросил:

– А когда у тебя появились мои раны, они потом зажили?

– Да. В основном. Но очень медленно. – На моей спине по-прежнему оставались розоватые ямки – призраки гнойных язв, зиявших в спине Шута. – Или мне так казалось. Ты знаешь, как ведет себя мое тело после того поспешного исцеления, что предпринял круг много лет назад. Я почти не старею, а любые раны заживают на мне за одну ночь, вытягивая все силы. Но они зажили, Шут. Когда я понял, что происходит, то стал осторожнее. Над костями твоего лица я работал очень аккуратно. – Я помолчал. Страшно было предлагать такое... Но дружба между нами была такова, что выбора у меня не оставалось. – Я мог бы попытаться исцелить твои глаза. Вернуть тебе зрение, ослепнуть и посмотреть, сможет ли мое тело исправить это. Понадобится время. И наверное, не стоит делать это здесь. Может быть, в Удачном, когда мы отправим остальных домой, снимем комнаты и попробуем.

– Нет. Не говори глупостей. – Его тон ясно велел мне ничего не говорить в ответ.

Шут молчал долго, и ко мне подкрался сон, наполнив тяжестью все члены. Тело требовало отдыха и не принимало отказа.

– Фитц... Фитц! Посмотри на меня! Что ты видишь?

Усилием воли я поднял веки и посмотрел. Мне показалось, я понимаю, какой ответ он хочет услышать.

– Я вижу друга. самого давнего и дорогого мне друга. И не важно, какую маску ты носишь.

– Ты меня хорошо видишь?

Что-то в его голосе заставило меня поднять голову. Я заморгал, чтобы перед глазами не так расплывалось, и уставился на него. Спустя какое-то время мне удалось сосредоточить взгляд.

– Да.

Он перевел дух:

– Хорошо. Потому что когда я коснулся тебя, то почувствовал, как что-то произошло, что-то сверх того, чего я хотел. Я потянулся к тебе, чтобы позвать, – мне показалось, что ты растворяешься в потоке Силы. Но когда я дотронулся до тебя, ощущение было не такое, как если бы я коснулся другого человека. Как будто я сплел собственные пальцы. Словно твоя кровь вдруг потекла в моих жилах. Фитц, я вижу твой силуэт, вижу, что ты сидишь на стуле. Я боюсь, что отобрал что-то у тебя.

– А. Вот и хорошо.

И я закрыл глаза. Слишком устал, чтобы удивляться. Слишком вымотался, чтобы бояться. Я подумал о том далеком дне, когда вытащил его с того света и затолкал обратно в тело. В тот миг, когда я покинул тело Шута, которое починил для него, и мы прошли друг сквозь друга, прежде чем снова стать собой, – я ощутил то же самое. Единение. Полноту, завершенность. Я вспомнил это чувство, но у меня не было сил описать его словами.

Я уронил голову на стол и уснул.

* * *

Я парил. Недавно был частью чего-то огромного, а теперь оторвался от него. Отделился от великой цели, для которой прежде служил каналом. Никакого от меня толку. Опять. В отдалении гудели голоса.

– Мне о нем кошмары снились. Однажды я даже постель намочил.

Мальчик сдержанно хихикнул:

– О нем? Почему?

– Из-за нашей первой встречи. Я был тогда совсем мальчишкой. Ребенком, которому поручили, казалось бы, простое и невинное дело: оставить подарок для младенца. – Он прочистил горло. – И он застучал

меня в комнате Би. Загнал в угол, как крысу. Должно быть, он знал, что я приду, хотя как он догадался – представления не имею. Просто вдруг возник там с ножом у моего горла.

Тишина, в которой затаили дыхание.

– И что?

– Он заставил меня раздеться догола. Теперь-то я понимаю – он хотел убедиться, что у меня не останется никакого оружия. Он забрал все, что у меня было. Маленькие ножички, яды, воск, чтобы делать слепки с ключей. Все, чем я так гордился, все орудия ремесла, которому отец пытался меня научить. Он забрал все, я стоял перед ним голышом и дрожал, а он свирепо смотрел на меня. Решал, как со мной поступить.

– Ты думал, он убьет тебя? Том Баджерлок?!

– Я знал, кто он. Розмари мне сказала. А еще она сказала, что он куда опаснее, чем я могу вообразить. Одаренный. И всегда ходили слухи о его... пристрастиях.

– Не понимаю.

Короткое молчание.

– Что, возможно, мальчики его привлекают не меньше, чем женщины.

Мертвая тишина. Потом парень рассмеялся:

– Он? Нет, только не он! Для него во всем свете не было никого, кроме леди Молли. Об этом всегда перешучивались слуги в Ивовом Лесу. – Он снова рассмеялся, потом ахнул. – «Постучи дважды, – хихикали кухонные служанки, – а потом подожди и постучи снова. И не входи без разрешения». Никогда не знаешь, когда они с леди Молли решат заняться этим. Мужчины в поместье прямо гордились им. «Старый жеребец еще о-го-го, – говорили они. – В кабинете. В лесах. В саду».

Сад. Летний день, когда ее сыновья разъехались, чтобы искать свою судьбу. Мы бродили среди деревьев, высматривая завязи яблок, говорили, каким будет урожай. Руки Молли сладко пахли полевыми цветами, которые она собирала. Я остановился, чтобы воткнуть веточку гипсолюбки ей в волосы. Она подняла ко мне лицо, улыбаясь. Долгий поцелуй перешел в нечто большее.

– Когда леди Шун впервые приехала в Ивовый Лес, одна из наших горничных сказала, что он, мол, уезжал, чтобы подыскать себе охочую